

Неполная дееспособность

Рассказ

Боевому товарищу Юшкову Андрею, посвящаю

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Постановление от 7 мая 1985 года № 410

О МЕРАХ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПЬЯНСТВА И АЛКОГОЛИЗМА

Совет Министров СССР постановляет:

... Активизировать деятельность трудовых коллективов, административных органов по устранению причин и условий, порождающих пьянство и алкоголизм;

...Запретить продажу алкогольных напитков в торговых предприятиях вблизи производственных предприятий, учебных заведений, в местах массовых гуляний и отдыха трудящихся и в мелкорозничной торговой сети;

...Продажу винно-водочных изделий в рабочие дни производить с 14 часов. Запретить продажу спиртных напитков лицам, не достигшим 21 года...

Скрытые от пассажирских глаз динамики вдруг ожили и наполнили салон воздушного судна божественно приятным женским голосом:

— Товарищи пассажиры, наш рейс Ташкент — Свердловск окончен, экипаж корабля прощается с вами и желает вам всего наилучшего. Просьба до полной остановки самолета не покидать своих кресел. Благодарю за внимание...

Не обращая внимания на дежурные призывы стюардессы и медленно ползущий по бетонке лайнер, пассажиры суетливо вставали со своих мест, торопясь первыми пробраться к выходу, по пути с интересом поглядывая на молодого, крепкого парня в десантной форме, с легкой задумчивой улыбкой на загорелом лице.

Тучный профессор протянул Максиму мягкую, большую ладонь и, глядя на него сквозь толстые линзы больших квадратных очков, на прощание сказал:

— Если захочешь учиться, запомни: у тебя льготы. Поступать будешь вне конкурса, а на экзаменах я тебе помогу. Ты ветеран, Максим, и никогда об этом не забывай, — уважительно обратился он к сидящему возле иллюминатора двадцатилетнему парню. — Ты свой долг Родине отдал. Теперь она тебе обязана... В общем, свой телефон я тебе оставил. Надумаешь учиться, звони, не стесняйся.

— Спасибо, Николай Иванович! — ответил Максим. — Обязательно позвоню, но только через год. Отдохнуть хочу немного, свыкнуться с новой жизнью.

— Это правильно, после твоей мясорубки отдых просто необходим, такого повидал... — задумчиво протянул профессор. — Ну, будь здоров! — поправив очки, сказал он и, перекинув через руку серый плащ, направился к выходу.

Расставшись с соседом, Максим повернулся к иллюминатору и стал рассматривать медленно ползущий по летному полю желтый автобус. На улице ласково светило солнце, а на душе было радостно и очень светло, там вновь пели птицы, неожиданно замолчавшие два года назад...

Покидать свое место он не торопился, слишком приятно было просто сидеть и наслаждаться мирной, гражданской жизнью. Все еще не верилось, что его мечта выжить и вернуться домой стала реальностью. Как-то неправдоподобно быстро случился его дембель. Не верилось и в то, что еще позавчера на кабульской “пересылке” он менял оставшиеся “афошки” на советские рубли.

Все произошедшее с ним казалось сном, бесцеремонно вырвавшим безусого парнишку из безоблачного советского детства и моментально, без подготовки и предупреждения, перенесшим его в совершенно другой мир, где никто не предлагает тебе никакого выбора.

Непонимающе глядя на толкающихся в проходе людей, он хотел радостно крикнуть: “Ну, куда вы все так торопитесь, люди! Насладитесь этой солнечной минутой вместе со мной!”

Максим искренне удивлялся суетливому, спешащему жить народу и внутренне чувствовал: не вписывается его сознание в этот когда-то родной мир. Ему казалось, что все происходящее в данную минуту — неправда, тоже сон, только уже приятный. Вот если бы сейчас в самолет зашел комбат и сказал Максиму: “ Не понял, Веденеев! Ты чего тут паришься? Ну-ка, бегом в ружпарк за оружием, и через пятнадцать минут наблюдаю тебя на броне...” — вот это было бы по-настоящему, по-десантному! Это был бы уже не сон.

И Максим даже не спросил бы командира: “Товарищ майор! А вы чего тут, собственно, делаете?” Он просто отправился бы за своим родным АКС-ом, уже полгода стреляющим исключительно одиночными выстрелами... Ну не желает его автомат стрелять очередями, хоть тресни по нему, не хочет, и все! Устал, наверное. Что с ним только Максим не делал: и разбирал его не раз, и смазывал нежно, и уговаривал... Все бесполезно.

Начальник по вооружению бригады, лично пытавшийся наладить непослушный агрегат, только беспомощно пожимал плечами: “Ничего я не понимаю, Веденеев, совершенно ничего. Такого у меня еще не было. Обратный механизм в норме, пружину я поменял, газовая трубка как новая, поршень просто в идеальном состоянии. Чего ему надо? Мистика какая то... Давай-ка мучиться не будем, а лучше мы его спишем, а тебе новый выдадим. Согласен?”

Максим, в ответ снисходительно улыбаясь, отрицательно качал головой. Не хотел и не пытался он объяснять седому подполковнику, ни разу не бывавшему на боевых операциях, свое отношение к личному оружию. Не может он, сидя в оружейных мастерских, понять одну простую вещь: личное — оно потому и личное, что накрепко связано невидимыми нитями с хозяином его железного и в то же время живого организма. “Пусть одиночными, оно даже и лучше, — думал он, собираясь на очередную засаду, — точнее стрелять буду, и патронов экономия”. Перед каждым выходом в горы, сжав в ладони дульный тормоз-компенсатор и уперев свой АКС прикладом в землю, он просто балдел от прохлады освежающего ладонь железа. Через минуту, перестав сопротивляться, оно медленно нагревалось, забирая энергию солдатского тела, постепенно становясь родным и теплым...

— Чего сидишь, молодой-красивый? Домой не торопиться? — услышал Максим приятный, возвращающий в явь женский голос.

Максим поднял голову и уперся взглядом в пышную грудь привлекательной бортпроводницы лет двадцати пяти. Афганские зарисовки мгновенно улетучились, уступая место позабытым, но мощным желаниям. Вдруг приятно забило сердце.

Максим хотел быстро и остроумно ответить, но понял, что все необходимые для общения с красивыми женщинами фразы начисто затерлись в его памяти крепким армейским жаргоном. Все, что он смог — выдать из себя улыбку и беспомощно пожать плечами.

— Ты откуда такой бронзовый? — бархатным голосом поинтересовалась она.

— Оттуда, — загадочно сказал Максим и махнул головой в сторону иллюминатора. — Из-за реки.

— Из Афгана, что ли? А я почему-то сразу так и подумала. Еще с девчонками поспорила на шоколадку, что ты воин-интернационалист. Так вас по телевизору называют. Ну, и как там? Страшно было? — полушепотом поинтересовалась она и присела рядом с Максимом на

“профессорское” место. Запах ее молодого тела, смешанный с ароматом духов, покрыл его лоб легкой испариной.

— Когда как... — сглотнув, пролепетал Максим и неожиданно для себя перешел к артподготовке:
— За две минуты не расскажешь, красавица. Оставляй телефон, будет свободное время — созвонимся, поболтаем.

— Какой шустрый! — спокойно улыбнулась стюардесса. — Может, сначала познакомимся?

От своей неуклюжести Максим готов был провалиться сквозь землю. Ну, как же так? Конечно, надо было сначала имя узнать, а уж потом с телефонами своими лезть. Совсем с женщинами общаться разучился за эти два года. А ведь до службы неплохо получалось...

— Максим меня зовут, — покрываясь красными пятнами, пролепетал молодой ветеран. — А вас... тебя как?

— А меня зовут Руфина, вот и познакомились. Знаешь, у тебя очень красивая форма. А это как называется? — спросила она, протянув обнаженную белую руку к его правому плечу.

Максим посмотрел на ее длинные, красивые пальцы и пролепетал:

— Это аксельбант, я его сам делал из парашютных строп.

— Здорово как! Медали у тебя настоящие, погоны голубые... Вот бы с тобой сфотографироваться,
— неожиданно вырвалось у нее.

— Так в чем же дело! — оживился заинтересованный приятной девушкой Максим. — Когда?

— Давай завтра...

— Отлично! Как тебя найти? — осмелел ободренный удачным знакомством “интернационалист”.

— Вот мой телефон, — протянула Руфина вырванный из блокнота листок. Она встала и поправила свою униформу. — Позвони завтра после обеда. Договорились? А теперь тебе пора. Нам нужно борт сдавать.

— Еще как договорились! — весело сказал Максим и жадно посмотрел вслед грациозно плывущей к выходу молодой девушки. “Вот это да!” — причмокнул он языком, глядя ей вслед. Вдохновленный приятным знакомством, Максим схватил с полки свой черный “дипломат”, лихо нацепил на голову голубой берет и, позвякивая правительственными наградами, решительно направился к выходу.

Руфина стояла у трапа, подставив свое дивное лицо майскому солнышку. Максим, поравнявшись с ней, смущенно задал мучивший его последние пять минут вопрос:

— Руфина, извини, ради бога... Ты случайно не замужем?

Сделав понимающее лицо, она ответила:

— Случайно нет. — И, вздохнув, добавила: — Две недели, как в разводе.

“Это судьба!” — подумал Максим. Вслух же вырвалось:

— Вот и здорово...

— ???

— В смысле... я хотел сказать... это... — мямлил он, растерявшись от собственной бестактности.

— Да ладно, не оправдывайся. Ты сказал то, что подумал. Это нормально, — снисходительно улыбнулась девушка. — Иди, давай, тебя автобус на летном поле ждет.

Показывая всем своим видом, что не обиделась, Руфина мягко подтолкнула Максима к трапу.

Выйдя из аэровокзала на прилегающую к зданию площадь, Максим остановился оглядеться и потянул носом весенний воздух. “Пахнет-то совсем по-другому, чем там...”

Вокруг него пробежали разные люди. Одни улетали, другие прилетали, третьи встречали. Он давно не видел гражданских людей в таком количестве и поэтому жадно оглядывал каждого проходящего мимо человека. Вроде бы люди как люди, но что-то в них изменилось за эти два года. Что-то общее неуловимо отличало их от него. Каждый из них по отдельности не выделялся ничем, но все вместе они были уже другими.

Конечно, он знал из писем мамы о происходящей в стране перестройке, об исчезнувших из магазинов мыле, сахаре и сигаретах. Слышал от пришедших в бригаду весенних “шнуров”, фантастические рассказы об огромных, многочасовых очередях около винно-водочных магазинов. Начальник политотдела бригады рассказывал им о реформах власти, плюрализме, гласности. Но не мог поверить в эти перемены. Не вписывались они в его застывшее в прошлом комсомольское мировоззрение. Конечно, если бы он прожил эти два года на родине, то ему были бы понятней все ее трансформации. И поэтому воспринимал ее такой, какой она была, когда он ее покинул. Тихой и спокойно дремлющей...

— В город едем?

Максим оглянулся и увидел невысокого мужичка в короткой серой куртке, надетой поверх клетчатой рубашки, расстегнутой на выпуклом животе. На пальце он крутил прикрепленный к пластмассовому брелку ключ зажигания.

— В город, говоришь? Да надо бы. И во что мне это обойдется?

— Смотря куда ехать, — с любопытством оглядывая бравого десантника, ответил водитель такси.

— В район автовокзала.

— В четвертной уложимся.

— Чего?! — Максим вытянул загорелое лицо и сделал угрожающий шаг навстречу таксисту. — Не охренел ли ты, дядя? По счетчику больше пятерки никогда не выходило.

Тот опасливо отпрыгнул и принялся оправдываться:

— Какой счетчик, парень? Какая пятерка? Ты с луны, что ли, свалился?

— Нет, из Афганистана, — сузив глаза, холодно сказал Максим.

“Да-а, похоже, тут и правда все перестроилось. Двадцать пять рублей за такси до города! Мама аванс получала шестьдесят рублей. Какие же сейчас зарплаты?”

Водитель понятиливо присвистнул и дружелюбно сказал:

— Из Афгана, говоришь? А у меня брат там служил, в Кундузе, знаешь такой?

— Знаю, — сухо отрезал Максим. — Северо-восточная зона ответственности. Мы ходили туда, — и, что-то вспомнив, добавил: — Меня скорпион там укусил в горах.

— Ни фиги себе! И как же ты выжил?

— Как видишь, — сказал десантник и отправился к стоящим неподалеку автобусам.

Деньги у него были. В Ташкенте он получил пятьсот рублей, причитающиеся ему за ранение, но четвертак до автовокзала!.. Это уж слишком.

— Постой, — окликнул его таксист. — Я тебя за червонец отвезу, это как “афганца”, прямо у подъезда выйдешь. Но про пять рублей — ты забудь и не вспоминай. Пирожное в кооперативном кафе три рубля уже стоит.

“Пирожное три рубля! — сокрушался мысленно Максим, сидя на заднем сиденье потрепанной желтой “Волги”. — Да ему цена-то двадцать четыре копейки была! Как же так? Неужели тут все так изменилось”. Максим разделил в уме пятьсот на три, получилось сто шестьдесят шесть. “Получается, мою простреленную руку государство оценило в полторы сотни пирожных? Спасибо!” Из глубин его души поднимался справедливый гнев. Да как же так? Куда я вернулся? Где моя спокойная, тихая Родина? Уходил в армию из страны, где было мыло, сахар, пирожные за двадцать четыре копейки, такси в аэропорт за пятерку, а возвращаюсь туда, где ничего этого нет. А что же тут появилось взамен? Кооперативы? Гласность и перестройка? А с чем все это новое едят?

“Не нравится мне это все”, — вздохнул Максим и развернул забытые профессором в самолете “Известия”. На второй странице он задержал взгляд:

“... закон о кооперации в СССР в соответствии с Конституцией определяет экономические, социальные, организационные и правовые условия деятельности кооперативов на основе развития ленинских идей о кооперации применительно к современному этапу строительства социализма в СССР...”

Вроде бы все правильно и грамотно написано. Но как быть с пирожными за три рубля? Кто же их будет есть? Вряд ли истинным строителям социализма это по карману.

Невеселые размышления испарились, как только желтая “Волга” въехала в черту города. Боже! Как давно я здесь не был! Как ласково светит солнышко! Неужели я сегодня увижу маму? Сестренка, наверное, совсем взрослая стала. Когда уходил, она в пятом классе была. Сейчас, стало быть, седьмой уже заканчивает. Мама писала, от парней уже отбоя нет. Завтра с утра первым делом к отцу на могилу...

— Не разгоняйся, — сказал Максим водителю, — за райисполкомом свернешь направо, в сторону Чайковского.

— Как скажешь, командир, довезу прямо до подъезда, как обещал, — отрапортовал таксист.

— Не надо до подъезда. Видишь серое здание за перекрестком? — указал Максим водителю, вытянув вперед указательный палец.

— Вижу, — ответил тот, прижимаясь к обочине. — Если я не ошибаюсь — это почта.

— Так точно, вот там и тормозни. Прогуляюсь немного.

Протянув водителю красную купюру с портретом лысого вождя, Максим на прощание сказал:

— Ну, бывай командир. Бог даст, свидимся еще. А брату привет передавай, — сказал он, открывая дверь.

— Передам, только через полгода.

— А что так? — поинтересовался Максим, поставив правую ногу на бордюр.

— Да в ЛТП он загремел. Спился, короче. Как дембельнулся, так сразу на стакан и присел. Керосинил жутко. Вот жена его и оформила в профилакторий, отдохнуть, — почесав голову, сказал водитель и, пожав Максиму руку, добавил: — Ты сам смотри с этим делом, — он щелкнул себя по горлу, — поосторожней. Засасывает вашего брата в момент.

— Учу, — улыбнулся Максим и, выйдя из машины, смачно хлопнул помятой дверцей.

Он поставил дипломат на пыльный тротуар и не спеша закурил. Мимо, с интересом оглядев статного парня с ног до головы, прошли две хорошенькие девушки, потом еще две симпатичные и еще одна ничего себе, и все с нескрываемым интересом поглядывали на Максима. “Ух, ты! — жарко выдохнул опьяненный женским вниманием солдат. — До чего же вы все красивые-то! Вот прямо все до единой”.

Вдохновенно выбросив окурок в урну, Максим решительно направился к серой пятиэтажной “хрущевке”, пристроенной к зданию почты. Войдя во двор, он замедлил ход, наслаждаясь весенним пением скворцов.

Дышалось легко и свободно, очень хотелось жить. Просто жить, обычной земной жизнью. Без построений и маршей, без стрельбы и смертных криков, без оглушающего рева бронетранспортеров и чистки оружия... Утром ходить на работу, вечером на дискотеку. Летом ездить на море, зимой кататься на лыжах... Красота!

Наслаждаясь каждым мгновением, Максим подошел к первому подъезду (к своему подъезду!) и присел на обшарпанную, когда-то зеленую, скамейку. Дипломат поставил у ног. Теперь можно и не торопиться. Слишком долго он этого ждал, каждую ночь представлял себе этот день, причем всегда по-разному. Потому-то и не торопился солдат, знал: такого дня в его жизни больше не будет никогда.

Закурил и, глубоко затянувшись, закрыл глаза, медленно выпуская ароматный дымок. Хорошо-то как! Никто тебя не ищет, никому и ничего не должен. Тело непривычно и по-настоящему расслабилось впервые за последние два года, и он вдруг вспомнил обтянутое желтой сухой кожей лицо своего сослуживца по прозвищу Фан. Его всегда полузакрытые и бесцветные глаза казались лунными кратерами, окутанными вековой вселенской тайной...

Когда Максим в составе молодого пополнения первый раз зашел во взводную палатку, там никого, кроме Фана, не было. Рота была на “боевых”, а освобожденный (по причине контузии) от войны Фан с полузакрытыми кратерами лежал на заправленной койке и неторопливо курил чарс. Койка была одноярусная, дембельская, с двумя матрацами. На улице была холодная ноябрьская ночь, а в большой армейской палатке уютно потрескивали две буржуйки, наполняя пространство теплом и покоем. Трое “молодых” стояли у входа и, робея, не знали, как себя вести в присутствии заслуженного ветерана. Фан, скосив глаза в сторону стоявшего рядом с его кроватью Максима, медленно поднял указательный палец в его сторону и хриплым шепотом произнес:

— Ты кто?

— Максим Веденеев! — бодро ответил молодой солдат.

Фан надменно улыбнулся правым уголком рта и, не вставая, прохрипел:

— Ну-ка, подгреби поближе, Максим Веденеев.

Максим, ободренный дембельским вниманием, смело шагнул к стоящей у изголовья кровати.

— Откуда будешь, хлопец? — медленно выговаривая слова, задал вопрос дембель и, сев на койку, опустил босые ноги на бетонный пол. Двигался он вяло, и его изможденный вид ничего, кроме жалости, у пышущего здоровьем Максима не вызывал.

— С Урала я, в Свердловске живу, — ответил Максим и с надеждой (вдруг земляк!) поинтересовался: — А сам-то откуда?

— Совсем с другой стороны, с юга я. Город-герой Керчь... Слышал про такой? — поднял вдруг заискрившиеся глаза Фан. Произнесенное вслух название родного города оживило ветерана, а его мягкое “г” действовало успокаивающе.

— Как же не слышал, город двух морей! — бодро похвастался Максим эрудицией. Сказывалась мамина подготовка, как-никак учитель географии.

— Это точно, — попытался улыбнуться дембель, но улыбку отражала лишь правая сторона его лица, левая была амимична. Он глянул на ребят, робко стоявших у входа, и с надеждой в скрипящем голосе спросил: — Есть кто из Крыма? А? Опять нет... Уже второй призыв земляков нет, екарный бабай.

Фан с досадой через отсутствующий передний зуб сплюнул на пол и обратился к Максиму:

— Значит, так, хлопец, слушай меня сюда. Ты теперь будешь называться “шнуром”. Будешь хорошо служить, через полгода станешь “ветераном”, потом “дембелем”, как я. — И, откашлявшись, добавил: — Если выживешь. А чтобы выжить, знаешь, какое главное правило?

— Не знаю, — вытянул шею Максим, дабы не пропустить тихо произносимую, но очень важную информацию.

— Запомни, главное правило — не рас-слаб-лять-ся, — по слогам проговорил Фан и добавил: — Ни на секунду. Если получится, у тебя есть шанс увидеть маму, нет — увидишь Бога. Фамиди бача?

— Чего? — услышав незнакомые слова, вопросительно поднял брови Максим.

— Понял, я тебя спрашиваю?

— А-а-а. Понял-понял, конечно, понял, — скороговоркой проговорил Максим и вытер рукой вспотевший лоб.

Не меня хриплого тона и выбив сделанную из гильзы трубку, Фан, подозрительно глядя исподлобья, спросил:

— Маклуху будешь?

Черт! О чем это он? Спросить, что такое “маклуха”, Максим не решился. А, была не была...

— Конечно, буду! — смело выпалил он и приготовился попробовать то, что никогда в жизни не пробовал. Готов он был к чему угодно, но только не к тому, что получил.

— Молодец, решительный малый, — половиной высохшего лица ухмыльнулся Фан, и протянул жилистую руку в сторону стоящей у изголовья кровати тумбы: — За ней котелок стоит, десантный, достань-ка его, воин.

Максим заглянул за тумбочку и в темноте у самой стены увидел алюминиевый котелок, накрытый сверху подкотельником. “Чего же там такое?” — подогреваемый неподдельным интересом, он согнулся пополам и пальцами пролез в щель между тумбой и стенкой палатки. Подцепив котелок, успел подумать: “Легкий какой-то... Да он же пустой!” И в этот момент, оглушительный удар потряс его шею, передавая в мозги колебания страшной силы. Максим на секунду потерял сознание и, выронив пустой котелок, рухнул на бетонный пол, по пути сильно ударившись подбородком об острый край тумбы. В себя он пришел, стоя на четвереньках и соображая: что ж это было? Из рассеченного подбородка на холодный пол тонкой струйкой текла горячая кровь. Прилично откушенный своими же зубами край языка наполнял рот солоноватым привкусом. Мозжечок, потрясенный ударом, медленно возвращал телу координацию. Сжав от боли зубы, Максим повернул голову и увидел пустые глаза Фана, спокойно раскуривавшего новую трубку.

— Шо же ты, Максим Веденеев, все маклухи рассыпал? — ухмыльнулся в пол-лица дембель. — Нехорошо-о-о, брат, нехорошо. Страшное дело, целый котелок! — Фан, откинувшись назад, закрыл глаза и, смакуя, небольшими порциями, выпустил тонкую струйку дыма в потолок. Потом опустил голову, внимательно посмотрел на Максима и тихо сказал:

— Я же тебя предупреждал, воин, расслабляться здесь нельзя...

Максим открыл глаза и погладил указательным пальцем на подбородке мягкий шрам. Спасибо тебе, Фан, за твою жестокую науку! Тебе понадобилось несколько секунд, чтобы преподать мне самый главный на войне урок — умение выживать.

Эх, да что это со мной, уж до дому добрался, а мысли все еще там! Нет, сегодня я точно расслаблюсь. Все, бегом марш к маме!

Максим решительно встал, выбросил в урну окурок и, взяв в руки дипломат, увидел входящих во двор его дома двух веселых девчушек в парадной школьной форме. “Лет по четырнадцать-пятнадцать ученицам, — подумал он. — Сестра моя Танюшка, наверное, такая же”. Девчонки тем временем приближались к Максиму. И вдруг, одна из них взвизгнула и с криком: “Максимка!” бросилась к нему. Боже мой, да это же Танька!

Бросив дипломат, он распротер руки навстречу. Татьяна, подбежав к брату, кинулась к нему в объятия и скрестила ноги у Максима за спиной. Она целовала его в щеки, лоб, нос, уши... и без умолку трещала:

— Максимка, братик мой, вернулся, как мы тебя с мамой ждали, если бы ты только знал. Один ведь ты у нас. Как узнали, что ты на войне, мы с ней месяц рыдали. Боже! Живой, здоровый, а красивый-то какой! А это что у тебя за висюльки симпатичные такие? Как называется, говоришь? Аксельба-а-а-нт! Ух, ты, здорово как! Надь, смотри — старший брат у меня какой, в медалях весь... Да чего ж мы стоим-то, пошли домой быстрее, вот мамочка-то обрадуется, каждый день тебя в окошко выглядывает...

Третий этаж, квартира тридцать два, обитая коричневым, потрескавшимся от времени дерматином дверь. Чуть ниже дверной ручки черное пятно, это Пашка, сосед, хвастался своей французской зажигалкой. Сколько нам тогда было? Лет, наверное, по двенадцать. Сердце, похоже, сейчас выпрыгнет на лестничную клетку. Неужели это не очередной армейский сон? Как-то все быстро случилось, фу ты черт, сердечко-то... сотни ночей мне эта дверь снилась.

Неужели все? И завтра я смогу спать до обеда? И не надо будет идти на склад за сухими пайками? Не надо готовиться к очередной “операции”? Ползать по горам в поисках наград и “духовских” пуль? Неужели завтра утром мама приготовит мне мой любимый омлет с сыром? Да как же так все неожиданно случается-то! Ждешь чего-то очень долго, ждешь, и вдруг — бац, и это у тебя уже есть. А мечтать-то теперь о чем? Что же мне теперь по ночам снится-то будет?

Максим осторожно остановил руку сестры, нетерпеливо потянувшуюся к кнопке звонка:

— Не спеши, Танюшка, дай успокоюсь немного. Представляешь, я семьсот пятьдесят дней об этой минуте мечтал, — почему-то шепотом сказал Максим.

— И мы тоже мечтали, Максимка, как ты придешь домой и мы все вместе поедem в Туапсе к тете Вере. Поедем ведь? Я не разу на море не была, — прижавшись щекой к руке брата, тихо сказала Танюшка.

— Конечно, поедem. Вот отойду немножко...

Договорить он не успел, потому что дверь неожиданно отворилась и на пороге Максим увидел маму.

— Мама! Мамочка!

— Максимушка! Сынок!

— Мама...

Обнявшись, они долго стояли в коридоре. Сын, мать и прижавшаяся к ним сбоку Танюшка. Лица у всех были мокрые. Танюшка просто рыдала, и по лицу матери текли слезы. Максим поначалу пытался сдержать накопившиеся чувства, но эмоции были сильнее его, и он тоже заплакал.

“Сколько лет я не плакал? Много...”

Как ни тяжело было ему в армии, но даже самая сильная боль и обида не смогли выдавить из него и слезинки, а тут прямо не остановиться. “Плачу, и плакать хочется, — удивлялся себе Максим. — Все-таки радость сильнее горя!”

— Мам, как ты тут? — глядя на поседевшую за два года голову матери, спросил сын.

— Да как, Максимушка, все хорошо у меня. В школе меня завучем назначили, зарплату на тридцать рублей подняли, Танюшка молодец у меня, помогает, в школе без троек учится. Все хорошо у нас, сынок. Вот и ты наконец вернулся. Праздник у нас сегодня. Да что ж мы в коридоре-то стоим? Давай проходи, сынок. Соскучился по своим пластинкам? — спросила мать и легонько подтолкнула сына в его комнату.

— Ты знаешь, больше по тебе с Танюшкой скучал. Про пластинки как-то и не вспоминал даже, не до них было, — с этими словами Максим осторожно открыл дверь в свою комнату. — Мама?!

— Что, Максимушка? — выглянула из кухни мать.

— Какая ты молодец! Все мои вещи сохранила, ощущение такое, как будто вчера я отсюда ушел, — легкие мурашки пробежали по спине молодого ветерана.

Максим тихо, на носочках, словно боясь спугнуть дивное видение, прошел в свою комнату, встал на свой раскладывающийся диван и осторожно, словно бесценную реликвию, снял со стены свою любимую болгарскую гитару “Орфей”. На ее покупку когда-то ушла вся его первая зарплата.

— Ничего не трогала, сынок, только пыль вытирала. Да и как я могла? Тут каждая вещь о тебе напоминала. Получу от тебя письмо, сяду на этот диван, он долго твой запах хранил, читаю и реву как белуга. Так и жила от письма до письма. Только писал ты редко, — доставая из фартука платок, опять прослезилась мать.

— Ты, мама, прости меня. — Максим взял у матери платок и сам вытер ей слезы. — В горах мы подолгу сидели, не писалось там как-то...

— А я вот тебе сейчас покажу все твои письма, — с этими словами повеселевшая мать подошла к письменному столу, над которым висел огромный плакат Яна Гиллана, отодвинула верхний ящик и достала небольшой пакет, перевязанный синей ленточкой.

— Вот, сынок, девять писем за два года.

— Всего девять? Честно говоря, мне казалось, что их было больше. Неужели сохранила?

Максим взял в руки конверты и, с интересом разбирая кривой почерк, прочел свое первое, уже давно забытое им, солдатское письмо: “...служить попал я в десантную учебку, находящуюся в городе Фергана. Это Советский Узбекистан. Трудновато, конечно, жарко очень, но жить можно. Сержанты только замучили своими придирками. Замкомвзвода мне сегодня утром говорит, что я неправильно заправил кровать, и приказал заправить ее по-новому. Я ему стал доказывать, что я заправил правильно, и тут же пожалел об этом, потому что мне пришлось десять раз ее расправлять и заправлять...”

“Да-а-а... Это надо же, обиделся на своего “замка”, добрейшего парня из Западной Украины. Подумаешь, десять раз заставил он меня кровать заправить. Милейшее, надо сказать, наказаньице”, — улыбнулся сам себе Максим. В учебке он ее заправлять так и не научился. Ну, не получалось хоть тресни. Зато быстро научился этому в Афганистане, потому что за подобную провинность там на “молодого” надевали два восьмикилограммовых бронежилета и отправляли его бегать вокруг бригады, пока не упадет. Причем за одну плохо заправленную койку “легкой атлетикой” занимался весь молодой призыв...

— Ну, ладно, Максимушка, потом дочитаешь, иди в душ, а я пока на стол накрою, — вернула в реальность задумавшегося сына мать.

— Хорошо, мам, я мигом. Танюшка-а-а! Ну-ка, бегом, тащи мне полотенце!

Свежевымытый Максим в одном трико сидел в кухне за накрытым по-праздничному столом и с жадностью уплетал нежные и сочные голубцы со сметаной. Никто на целом свете не мог приготовить их лучше мамы, а если еще и есть их с интервалом в два года... извините, но словами это наслаждение не передается.

Танюшка, подперев ладошками щеки, любовалась загорелым братом. Мать же только и успевала подкладывать сыну еще и еще. Не переставая жевать, Максим неожиданно спросил:

— Мама, ты Маринку давно не видала? — по его лицу пробежала едва заметная тень.

— Да как не видала, через день в магазине встречаемся. Здоровается, вежливая девчонка, воспитанная. Про тебя постоянно спрашивает. — И, осторожно посмотрев на сына, тихо добавила: — Соседи говорят, плохо с мужем она живет, гуляющий ведь он, беспутный. Честно говоря, жаль мне Маришку, молодая ведь она совсем была, неопытная. А он на шесть лет ее старше, вот и окрутил ... — и не сдержавшись, добавила: — кобель. Девка ведь видная какая...

— Я ей фотографии твои армейские показывала, — неожиданно вставила Танюшка, — она только просила никому не говорить, а я вот проболталась. — Сестричка шутливо похлопала себя по губам. — Вы уж меня не выдавайте!

Видя, что сын загрустил, мать открыла холодильник.

— Давай-ка, сынок, мы лучше с тобой выпьем по рюмочке за удачное завершение твоей нелегкой службы, — сказала она, доставая бутылку “Пшеничной”.

— Дельное предложение, мамуль, — радостно потер руки Максим. — Я уж и забыл, какая она на вкус. — Максим подмигнул сестренке и ласково потрепал ее за мочку уха. — Танюша, налей-ка себе “Буратино”, я хочу тост произнести.

Взяв наполненную рюмку, Максим встал.

— Я хочу выпить... за женщин. Но не за всех, а только за самых верных и преданных. За матерей и сестер. За тебя, мамочка, и за тебя, Танюшка. Потому что только вам я нужен по-настоящему: бедный, больной, здоровый, худой, толстый... вам не важно, какой я. Вы меня любите просто потому, что меня зовут Максим Веденеев и я ваш сын и брат. И вы меня никогда не предадите и не променяете, как... — он на секунду запнулся, — как некоторые. И поэтому я пью за вас стоя. Я хочу, чтоб вы знали: я многое на войне пережил и понял. Но самое главное, что я оттуда вынес и сохраню до конца своих дней — это беззаветная любовь к своим близким. Если у тебя есть семья и тебе есть кого любить — значит, ты счастливый человек. В моей роте служит парень из Омска, детдомовец, зовут его Серега Горохов, он еще там, в Афгане... (произнеся “в Афгане”, Максим добела закусил губу) ну так вот, Сергей один на свете. Круглый сирота, ему и возвращаться-то не к кому, и никто его не ждет. У него своего дома даже нет. Представляете? А у меня есть вы, и поэтому я счастлив и спокоен. Мы — семья. Мы будем любить и беречь друг друга до конца своих дней. Ты прости меня, Татьяна (Максим салфеткой промокнул мокрое лицо сестренки и поцеловал ее в макушку), бывало, в детстве я тебя обижал, щелбаны отвешивал...

— Ну что ты, Максимка, я и забыла уж давно, — шмыгнув носом, замахала руками растроганная сестренка.

— Теперь я буду тебя защищать и помогать тебе во всех твоих жизненных трудностях. И ты, мама, меня тоже прости, не во всем слушался я тебя, огрызался иногда. Сейчас ты мной будешь только гордиться. Я в лепешку расшибусь, но жить мы будем достойно, очень достойно. В этом я вам клянусь и за это пью.

Максим залпом осушил рюмку, затем сел на стул и замолчал. Таких речей он не произносил давно, скорее всего, никогда. Откуда взялись эти слова, он и сам понять не мог. Они были искренние и настоящие. Потому что только вдали от дома, в тяжелые минуты невероятных страданий и испытаний мы неожиданно начинаем понимать сокровенное значение слов “мама”, “любовь” и “верность”.

— Ты знаешь, мам, мне до сих пор кажется, что все это сон. Слишком быстро я дома оказался, тело здесь, а мысли все еще там, с ребятами. Я ведь один из первых дембельнулся, — сказал Максим, вновь наполняя рюмки. — Давай за ребят моих выпьем, погибших и живых.

— Давай, сынок, конечно. Сколько раз я бога молила, чтобы живой ты вернулся. Услышал меня Господь, — вздохнула счастливая мать. — Давай, сынок, за ребят поднимем, погибшим память, живым удачи и здоровья, чтоб матери их поскорей увидели и счастливы были, как я вот сейчас.

Мать пригубила и поставила рюмку на стол. Максим опять выпил залпом. В голове уже начинало понемногу шуметь.

— Ты ешь, сынок, закусывай, а то развезет тебя сейчас.

— Не волнуйся, мамуль, десантник сначала пьет, сколько может, а потом — сколько надо, — Максим смачно хрустнул ароматным огурчиком. — М-м-м, как вкусно! Сама солила?

— А кто же еще, это с нашей дачи. Сама выращиваю, сама солю. Ездить вот только на автобусе туда тяжеловато, — пожаловалась мать.

В дверь робко позвонили. Максим широко улыбнулся, узнав свой родной звоночек. Как давно он его не слышал и даже забыл, какой он. Черт возьми, такая мелочь, а столько удовольствия доставляет, но это только сегодня. Потому что день этот особенный, думал Максим, наслаждаясь обыденностью. Подобные пустячки быстрее любого психолога адаптируют воинов к мирной жизни.

Танюшка суетливо вскочила.

— Сидеть! — шутливо скомандовал Максим и, отодвинув сестру, сам пошел открывать. “Как приятно, тебе звонят, а ты открываешь! Просто звонят, а ты просто открываешь! Наверное, это и есть так долго снившееся мне счастье... Сто процентов — это не комбат, — улыбнулся сам себе Максим отворяя дверь... — да-а-а, явно не комбат и даже не взводный”.

За дверью стоял парнишка-очкарик с веснушками и шахматной доской под мышкой. На голове у него была смешная клетчатая кепка. Увидев обнаженного по пояс, мускулистого и загорелого не по сезону Максима, он от неожиданности открыл рот, но быстро справился с внезапной растерянностью и выпалил:

— Здрасьте, а Таня дома?

— Таня? Дома, — улыбнулся парню Максим. — А ты, собственно, кто такой будешь?

— Зовут меня Альберт, фамилия Друзман, — переминаясь с ноги на ногу, ответил он и, встав на носки, робко заглянул Максиму за спину.

— Здравствуйте, Маргарита Ивановна! Мы с Таней сегодня в шахматный кружок идем. Она не забыла?

— Здравствуй, Альберт, она уже одевается, — сказала Маргарита Ивановна и пригласила парня в квартиру. — Ты заходи, не стой в дверях. Я тебя с Максимом познакомлю, это Танин старший брат. Из армии сегодня вернулся.

— Я так и понял, — закрыв за собой дверь и глядя на Максима снизу вверх, пробормотал Альберт. При этом он почтительно пожал протянутую легендарным десантником крепкую руку. — Мне Татьяна про вас много рассказывала. Я даже вашу фотографию армейскую видел. Вы, Максим, там на одном колене стоите, а на плече у вас труба такая железная лежит...

— Сам ты труба, — ухмыльнувшись, перебил парня Максим, — это гранатомет противотанковый.

— Ну откуда ему знать, что эта труба гранатометом называется? — вступилась за товарища вынырнувшая у брата из-под мышки Татьяна и, положив его руку себе на плечо, весело добавила: — Он же еще маленький, в армии не служил. Зато у Альберта первый разряд по шахматам.

— Скажите пожалуйста, первый разряд. Это, конечно, серьезно, — шутливо нахмурил брови Максим, — но гранатомет от водопроводной трубы мужчина отличать все-таки должен.

— Теперь уж точно отличу, — смущенно пробормотал Альберт и, наскоро попрощавшись, выскочил за дверь. За ним следом, громко чмокнув маму и брата, выпорхнула веселая Танюшка.

— Танькин ухажер? — поинтересовался у матери Максим.

— Учатся вместе. Хороший парень, спокойный. Я его родителей знаю, приличные, надо сказать, люди.

— Ну, раз приличные, тогда ладно, пусть дружат, — тоном главы семьи резюмировал Максим.

Не успел Максим доесть очередной голубец, как в дверь опять позвонили. На этот раз настойчиво и уверенно. Максим с удовольствием вскочил и пошел открывать. На пороге стоял (ну, надо же!) такой же черноволосый и остроносый, как два года назад, Пашка Вьюхин с четвертого этажа. В школе его звали Виннету, за поразительное сходство с югославским артистом Гойко Митичем, очень убедительно изображавшим на экранах вождя индейского племени апачи. Пашка — закадычный друг детства. С Максимом они еще в детском садике на соседних горшках сидели. Потом в школе с первого класса по десятый за одной партой. В УПИ вместе поступали на радиофак, вот только Пашка поступил, а Максим провалился на экзаменах. Потому и в армию загремел.

— Макс, ты ли это? — разведя в стороны руки и широко улыбаясь, заорал на весь дом Павел.

— Пахан! Индеец ты мой закадычный! — так же громко ответил Максим и, выскочив в коридор, заключил невысокого Павла в свои крепкие объятия.

— Задушишь ведь, чертяка афганский, — попытался сопротивляться другу Пашка, но быстро понял бесполезность своих попыток.

— Тебя задушишь, как же, студент ты наш доморощенный, — ослабив руки, радостно сказал Максим. — Ну давай, заходи, а то стоим тут, людей пугаем. Здрасьте, Тамара Василина! — Затолкнув друга в квартиру, весело поздоровался Максим с поднимавшейся по лестнице соседкой из тридцать третьей квартиры.

— Ой, никак Максим вернулся! — охнула женщина и, поставив на пол авоськи, по-соседски обняла статного парня. — Матери радость-то какая. Знаешь, как она переживала за тебя, Максим? У меня и то сердце кровью обливалось, как подумаю, где ты, а каково ей было — и представить даже страшно. Ну, ты давай иди друга-то угощай, хороший он парень. Пока тебя не было, помогал матери твоей, чем мог. Потом забегу, расскажешь мне про Афганистан. Ты ведь единственный из нашего дома за границей побывал.

— Конечно, расскажу, — сказал Максим и добавил: — Если слушать будете...

Выпив по рюмке и закусив, не переставая при этом обмениваться накопившейся за время разлуки информацией, друзья, пройдя через комнату Максима, вышли на балкон покурить. Павел достал мягкую пачку “Космоса” и, вытряхнув из нее несколько сигарет, предложил другу.

— Макс, держи. — Но, увидев в руках друга пачку настоящего “Данхила”, только присвистнул. — Ни фиги себе, сразу видно, чувак за бугром швартовался. Клевые сигареты, у нас такие только в “Березке” достать можно.

— Угощайся трофейными, — сказал Максим, протягивая Павлу всю пачку. — Бакшиш тебе, заграничный.

— А себе?

— У меня еще есть.

— Класс! Вот спасибо, — радостный Павел спрятал пачку в карман и с удовольствием затянулся импортной сигаретой. — Завтра к девчонкам в общагу пойду, вот они обалдеют от “Данхила”... слушай, давай вместе махнем, их там как раз двое в одной комнате живут. Моя Настя, твоя Аленка, девчухи-хохотушки, практически без комплексов. Музыкачку послушаем, ну и все такое... очень интересно время проведем, это я тебе гарантирую. Тем более для тебя сейчас, я так

подозреваю, самый актуальный вопрос — это женский, — озорно подмигнул другу Пашка, смешно пошевелив бровями.

— Нет, завтра я не могу. На завтра у меня встреча с девушкой уже запланирована. В другой раз, Павлушка, в другой раз, — умышленно придав голосу равнодушный оттенок, сказал Максим и эффектно выпустил из носа две струйки дыма.

— Ни фиги себе! — удивленно вскинул черные брови Виннету. — Ай да Макс, когда успел-то? Несколько часов как в городе и уже девчонку успел уболтать, по ходу. Во даешь! Не потерял, стало быть, форму, старик. Ай да Макс, — повторил Пашка, восхищенно качая черной головой. — Ну-ка, поделись с другом!

После того как Максим рассказал историю своего знакомства с серьезным профессором из юридического института и симпатичной стюардессой по имени Руфина, тот просто обалдел от услышанного.

— Слушай, как это ты людей умудряешься притягивать интересных, да еще и нужных в придачу, — не переставал изумляться Павел. — Сейчас в юридический знаешь конкурс какой? А у тебя льготы, да еще и лапа волосатая в приемной комиссии. Круто, ничего не скажешь.

— Учись, студент, — снисходительно похлопал Максим друга по плечу и, открыв балконную дверь, пригласил его в комнату. — Пойдем, треснем по рюмашке, как в старые былые времена. Помнишь, как мы с тобой первый раз водку пробовали в подвале?

— Ну, как можно забыть такое важное в жизни событие, — улыбнулся Павел и прошел в комнату. Проходя мимо висевшего на стене “Орфея”, он остановился.

— Макс, а “Серпантин” помнишь?

— Как же, как же. Первый за всю историю школы вокально-инструментальный ансамбль. Тысячу рублей школа выделила на покупку аппаратуры, как директриса на это пошла, до сих пор ума не приложу, — Максим снял гитару со стены и, присев на край дивана, принялся ее настраивать.

— Если бы комитет комсомола нас тогда не поддержал, хрен бы нам светил, а не аппаратура, — присев рядом с другом, сказал Пашка. — Забыл, как мы потом отработывали по коммунистическим праздникам? У меня от этих дебильных песенок про лысого дедушку до сих пор изжога.

Павел прокашлялся и академическим голосом, иронично кривляясь, запел: — И вновь продолжается бой, и сердцу-у тревожн-о в груди-и-и, и Лени-и-и-н, такой молодой, и юный Октябрь впереди... Тьфу!

Павел брезгливо сплюнул и вытер ладошкой губы.

— А что, я так понимаю, Ленин уже не такой хороший, как раньше? — неуверенно спросил Максим у друга.

— Да, ты чё, Макс, с луны свалился, что ли? А, ну да... — Пашка постучал кулаком себе по лбу. — За время твоего отсутствия здесь столько всяких секретов нам пооткрывали... Ты пойми, сейчас каждый первоклассник знает, что мы в дерьме потому сейчас живем, что был на свете такой человек по фамилии Ульянов!

— Не говори так, Пахан, не надо, — Максим отложил гитару и закусил губу, — а то получается, мы оскверняем память погибших солдат, которых орденом Ленина посмертно награждали. Это были герои, Паша, настоящие герои, а орден этот — наивысшая и последняя для них награда, так что давай сменим тему.

— Ладно, Макс, извини, — положил руку на плечо друга Павел, — поживешь здесь немного, адаптируешься, сам разберешься, что к чему.

Дверь в комнату отворилась, и на пороге появилась Маргарита Ивановна, неся перед собой журнальный столик, на котором аппетитно красовалась запотевшая бутылочка в окружении умопомрачительных соленых груздей, огурчиков и полной тарелки квашеной капусты с клюквой. Рядом с соленьями лежало нарезанное тонкими, светящимися ломтиками домашнее сало. И как положено, свежий ржаной хлеб.

— О! Маргарита Ивановна, да вы просто ангел во плоти и света суть.

Павел вскочил с дивана и подхватил заставленный деликатесами столик:

— Мировая у вас мама, должен вам признаться, Максим Викторович, — разливая по рюмкам холодную водку, промурлыкал он.

— Действительно, мам, я аж язык проглотил, — сказал Максим, целуя мать в щеку. — Посиди с нами, давай я стул принесу.

— Нет, Максимушка, вы тут общайтесь, а мне надо в школу сходить. В моем классе родительское собрание сегодня на шесть часов назначено, сам понимаешь, отменить уже не получится. Так что вы гуляйте, а я по делам, — сказала Маргарита Ивановна, закрывая за собой дверь.

— Супер! — потирая руки, сказал Павел и предложил тост: — Давай за маму выпьем, твой Афганистан ей нелегко дался. Я сегодня первый раз за эти два года увидел ее улыбку. Если бы с тобой что-нибудь случилось, я не знаю, как бы она это пережила. Она тебя боготворит, Максим, святая женщина. Ну, давай, за Маргариту Ивановну.

Друзья чокнулись и молча выпили. Смачно закусив сопливым грибочком и вытерев руки салфеткой, Павел махнул головой в сторону гитары:

— Давай, Макс, что-нибудь из афганского репертуара слабай для меня.

— Это можно, — Максим подстроил гитару закрыл глаза и, осторожно перебирая струны, тихим голосом запел:

Ну, как же мне не вспоминать

Друзей моих погибших лица,

Да, это страшно умирать,

Когда так надо возвратиться.

И ты ушел вперед в дозор,

Ты верен долгу и присяге,

И целиком Афганистан,

Застыл в твоём последнем шаге...

Максим неожиданно тряхнул головой и, перестав петь, молча продолжал играть мелодию этой совсем невеселой песни. Тело его раскачивалось из стороны в сторону все больше и больше.

Павел понял свою ошибку. Расслабиться надо парню, а я дурак: “Давай что-нибудь из афганского...” Хлопнув друга по плечу, он выхватил у него гитару:

— Ты чего раскис, май френд? Помнишь, какой мы с тобой в девятом классе фурур на школьном вечере произвели, когда “Квинов” забацали на чисто английском?

— Подожди, какую вещь мы тогда пели, я уж и забыл, — потер виски Максим.

— Ну, как же, “Атака Дракона”, два месяца ее подбирали, мучились, думали, уж не осилим. Там на бас-гитаре такая мудреная партия, просто ужас! — Павел взлохматил волосы и, резво ударив по струнам, запел, подражая голосу легендарного Фредди Меркьюри:

Take me to the room where the reds all red

Take me out of my head-s what I said...

Take me to the room where the greens all green

And from what I ve seen its hot, its mean...

Затем он вскочил на ноги и стал вприпрыжку носиться по комнате взад и вперед, изображая рок-звезду мирового масштаба. Максим, тряхнув коротко подстриженной головой, схватил две вилки и в такт песне стал отстукивать по тарелке ударный ритм.

— Макс! Ты слова припева помнишь? — прокричал, не переставая играть, Павел, эффектно мотая своей шевелюрой.

— Обижаешь, командир! — прокричал в ответ оживший Максим.

— Ну, тогда погнали, дуэтом!

— Погнали!

И они “погнали”:

Gonna use my stack

It s gotta be Mack

Gonna get me on the track

Got a Dragon on my back

Прикончив “Дракона”, ветераны ВИА “Серпантин”, не останавливаясь, спели “Smoke on the water”, затем прошлись по “Машине времени” и “Воскресенью”, не забыв про группу “Кино” и на десерт расслабили себя “Землей в иллюминаторе”.

Пашка, тяжело дыша, плюхнулся на диван и, вытирая платком пот со лба, продекламировал “на хохляцкий манер”:

— Если в горле дырынчить, значит, трэба промочить. Наливай, братан, до краев. Выпьем за нашу первую послевоенную репетицию. Будем считать сегодняшний день днем возрождения “Серпантина”.

— Прямо хоть сейчас в передачу “Спойте, друзья”, — сказал, разливая водку, покрасневшийся Максим.

— Ага. Или в “Мелодии и ритмы зарубежной эстрады”, — добавил Павел.

Ребята выпили, стукнулись лбами (такая у них с детства была традиция) и вспомнили, как после школы, невероятно увлекшись музыкой, собрались поступать в музыкальное училище.

— Вот ума-то у нас с тобой было. На кой хрен нам было это училище? — одной рукой прихватывая с тарелки капусту, а другой покрутив у виска, сказал Павел.

— Ну, мы же хотели стать серьезной группой, гастролировать при филармонии какой-нибудь, — аккуратно вешая гитару на место, ответил Максим.

— Для этого совсем не надо музыкального образования, — пожал плечами Павел. — У нас на факультете два брата учатся, Самойловы. Они создали рок-группу, “Агата Кристи” называется. Прикольное название, да? Ну, так вот, они у кавээнщиков наших упишных в музыкальном сопровождении. Сами песни пишут. Серьезные ребята, их уже по телевизору показывают.

— Да-а? — широко зевая, удивился Максим.

— Точно тебе говорю, и без всякого училища. Вот так, — Пашка встал с дивана и достал из кармана трофейный “Данхил”. — Ну, чё закис, пойдём перекурим.

— Не хочу. Ты иди, а я тебя здесь подожду, — с этими словами Максим устало откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Силы как-то неожиданно оставили его. Сидя на диване, он чувствовал, что проваливается в гигантскую черную пропасть, в которую лететь и лететь... Дух перехватывало вполне реальное ощущение свободного падения, но сил не было даже на то, чтобы открыть рот и позвать на помощь. Захмелевшее тело было полностью расслаблено и безвольно. “Наверное, я уже сплю”, — успел подумать он, перед тем как отключилось сознание.

***

...К кишлаку рота подходила не спеша, развернувшись нестройной цепью. Ротный сказал — людей в кишлаке нет, их предупредили, что мы спускаемся с гор, и они по-тихому свалили, но прочесать его все равно необходимо, роте нужен результат. Кишлак был совсем небольшой. Несколько глиняных домов, опоясанных по периметру сплошным дувалом, хутор по-нашему.

Подойдя к большим распахнутым воротам арочного типа, ротный поднял руку, и мы остановились. Почти одновременно щелкнули два десятка боевых затворов... Все, готовы ко всему. У ворот лежали две противотанковые мины без запалов, просто лежали. Командир первый вошел в арку, осторожно оглянулся и, уперев приклад автомата в плечо, продолжил движение в глубь кишлака. Дома располагались в два ряда, в самом начале улицы находился закрытый деревянной крышкой “кириз”. Подойдя к нему, ротный оглядел крышку и осторожно отодвинул ее, заглядывая внутрь. У этих колодцев дна нет. Как правило, это целая система подземных ходов и сообщений, в которых отсиживаются “духи”.

Командир покачал головой и повернулся к нам. Молча, жестами, он отдал приказ: “Двое направо, двое налево, двое со мной по улице. Дома осматриваем предельно осторожно, возможно, заминированы, встречаемся в конце улицы, Веденеев и Гарбуль — у ворот”. Опять нам с белорусом “повезло”, осматривать бабайские дома гораздо интересней, хоть и опасней.

Рота (двое влево, двое вправо...) рассосалась по кишлаку. Ротный со своей группой осторожно продвигался вглубь по центру, не забывая поглядывать на крыши домов. Бульба предложил закурить, я отказался, потому что жарко и очень хочется пить, а вода во флягах кончилась. Остатки допили ночью. В пяти километрах от кишлака, на равнине, нас ждет броня. Ничего, сейчас здесь закончим, час ходу — и мы на колесах, а там и вода, и сухие пайки, в общем — все мирские удовольствия.

Нещадное белое солнце зависло над кишлаком и жгло с потрясающей настойчивостью. Не выдержав солнечного давления, я облизал потрескавшиеся губы и вышел за ворота в тень. Ух, как хорошо! В тени жить можно, градусов сорок, не больше. Я перевел дух. Метров в шестидесяти от кишлака расположилась жидкая роща тонких деревьев. Сразу за рощей начинался крутой подъем в каменистую сопку. На краю рощи свалена высокая, в рост человека, куча камней. Камни здесь — строительный материал. Выглянул Бульба, махнул рукой — значит, рота возвращается. Иду, не волнуйся. Еще раз бросил взгляд в сторону рощи.

Вдруг из-за каменной кучи вышел бородатый афганец с гранатометом на плече. Из ствола торчала конусообразная зеленая болванка. Кумулятивная, мгновенно выдала память необходимую информацию. Я такой в учебке стрелял по привезенным из Афганистана подбитым бронемашинам. Любую броню такая штука прожжет, как картон. “Дух” спокойно присел на колени и направил болванку в мою сторону. “Вот урод. Ну какой смысл стрелять в человека тем, что предназначено для танков? И главное, за что? За что мне, Господи, объясни, пожалуйста, такое испытание? Мне всего девятнадцать лет, я и нагрешить-то толком не успел. Школу без троек закончил, бабушек через дорогу переводил, в комитете комсомола активистом был... Да, признаюсь, когда мне было десять лет, я без разрешения вытащил у бабушки из кошелька три рубля и купил на них красивый альбом для почтовых марок. Но ведь за это в человека не стреляют из гранатомета!” Бог молчал, а время остановилось.

Я повернулся к воротам и, неторопливо переставляя пыльные, с растоптанными носками ботинки, двинулся в сторону ворот. Перемещался я, наверное, очень быстро, но мне казалось, что все происходит, как в замедленном кино. Голова была опущена, и я видел только выжженную траву и приминающие ее солдатские ботинки. Каждое мгновение я ждал прямого попадания жуткой гранаты. Интересно, куда он попадет? Хорошо, если в голову, тогда смерть наступит мгновенно, и мучиться я не буду. Плохо, если в ноги, тогда я могу остаться жив, но это уже буду не я. Это будет полчеловека. Странно, но мне совсем не страшно. Сознанию нужно время, чтобы трансформировать увиденное в испуг. Двух секунд (ровно столько длился этот эпизод) для этого мало. Две секунды — это время инстинктов и подсознания. Желание одно — скорее бы он выпустил из железного жерла мою смерть.

И в этот момент ударил гром страшной силы. Мой мозг выключили, словно телевизор, звук и изображение исчезли одновременно.

Включали постепенно. Сначала вернулся звук, но не весь, а только неприятный шорох скребущихся об мелкие камни каблуков. Затем я услышал сопение тащившего меня по земле человека. Сознание возвращалось, и я понял — жив. Радоваться этому или нет, пока не знаю. Изображения нет... Что-то, похоже, с глазами. Я попытался открыть веки, но с первого раза не получилось. Неужели ослеп? Нет, не может быть, попробую еще раз. Со второго раза удалось проделать в глазах маленькие щели. Первое, что я увидел, это были сбитые носки моих ботинок, разведенные в разные стороны. Кто-то невидимый, перехватив под мышки, куда-то меня волочил. Я понял, это бородатый гранатометчик. Меня взяли в плен! Вот сука, лучше бы он в меня попал. Я застонал и закрыл глаза. Ну, все, теперь, наверно, пытать будут. Надо срочно умереть. Но как? Как умереть, когда туловище безвольно и непослушно, а оружия никакого нет? И в этот момент в голову вошла боль, да такой адской силы, что я вновь застонал. Мне казалось, что в темя

мое кувалдой забивают огромный рельсовый гвоздь. Лучше бы сознание ко мне не возвращалось. Такой невероятной боли я не испытывал никогда. Да пристрелите же меня, наконец, за что мне такие муки! В этот момент меня положили на землю, и я услышал разговор ротного с белорусом. Контужен он (это они про меня?), в дувал граната попала, в метре от него пролетела, говорил кто-то из них. Черт, это наши, подумал я, и от этой мысли мне стало еще хуже, потому что теперь меня точно не пристрелят. Буду мучиться дальше. А голова тем временем просто разваливалась пополам. Боже, как больно! Мама, мамочка...

***

— Я здесь, сынок, успокойся, все хорошо.

Максим почувствовал, как чья-то приятно-прохладная рука нежно гладит его по коротко стриженной голове, растворяя невероятную боль. От этого прикосновения ему стало легче, и в освобожденных мозгах мелькнула благодарная мысль: “Не ожидал от ротного такой нежности”. Он с трудом открыл глаза. На стуле, рядом с его диваном, сидела мама и перебирала его короткие волосы. Он приподнял голову.

— Ты всю ночь стонал, сынок. Наверное, тебе что-то нехорошее снилось, — ласково сказала мама.

— Да нет, мам, вообще ничего не снилось (не рассказывать же матери весь этот кошмар!), просто перебрал вчера немножко, да с непривычки, — Максим потер сморщенный лоб, — мне бы цитрамончика, голова просто раскалывается.

— Я тебе уже приготовила, — Маргарита Ивановна заботливо подала сыну стакан воды и таблетку. Максим приподнялся, взял ее губами прямо из маминых рук, запил водой и снова лег. Минут через десять голова должна отпустить. Вместе с утихшей болью уйдут и остатки неприятного сна. Он закрыл глаза и попытался заснуть вновь. Сквозь дрему услышал мамин голос:

— Мы с Танюшкой уходим, еда в холодильнике. Павел просил позвонить, как проснешься...

Когда Максим проснулся во второй раз, голова уже не болела, и настроение было гораздо лучше. Мельком взглянув на часы (было ровно одиннадцать) он резво вскочил и принялся отжиматься от пола на кулаках. Диван заправлять не стал — не хочу и все! Быстро приняв душ и позавтракав, он набрал Пашкин номер. Телефонная трубка ожила не сразу. После пятого гудка хрипло-сонный голос протяжно ответил:

— Да-а-а...

— Привет, Пахан! Как здоровье?

— А, Макс! Привет. Да в целом неплохо, шарабан только разваливается, — отозвался Павел, и Максим мысленно представил его лохматую, больную голову. — Я вчера после того, как ты вырубился, еще в одно местечко зашел, ну там и догнался по полной программе. Лучше бы и не заходил, там такой народ собрался бестормозной... — незлобно ругнулся Павел, — и я такой же стал, остановиться не могу. Ну и натетерились.

— С тобой все ясно, ты просто алкоголик, — подколот друга Максим.

— Наверное, — обреченно отозвалась телефонная трубка. — А все это жизнь студенческая, мать ее... Постоянно у кого-нибудь день рождение, свадьба, просто сабантуйчик без повода, и так через день. Надо было с тобой в армию идти, — подытожил Павел и после небольшой паузы предложил: — Заходи, опохмелимся.

— Не могу, у меня сегодня встреча.

— А, ну конечно, — улыбнулся в трубку Пашка, — стюардесса, все дела...

— Во-во, именно так.

— Ну, давай, ни пуха тебе, ни пера, Казанова Кабульский. Да, — спохватился Павел, — будь другом, насчет подружки полюбопытствуй у нее, бортпроводница — это так романтично... — масляным голосом на прощание промурлыкал он.

Погладив форму и начистив до невероятного блеска свои по-дембельски отглаженные сапоги, Максим посмотрел на часы и, с трудом преодолевая участившиеся удары сердца, набрал оставленный Руфиной номер. Трубку подняли сразу, словно ждали:

— Слушаю вас!

“Боже, какой голос!”

— Руфина, здравствуй — это Максим, который воин-интернационалист, — волнуясь, выдавил из себя он.

— А! Максим, привет! Так и думала, что это ты. Как у тебя дела? — обрадовалась Руфина.

Максим облегченно выдохнул:

— Все отлично, готовлюсь к нашей фотосъемке. Парадку уже погладил, сапоги начистил...

— Умница, настоящий десантник, — весело перебила его Руфина. — А я все утро думала, позвонишь или нет. Позвонил — значит, обязательный ты мужчина, мне такие нравятся.

“Как можно такой красавице не позвонить?!”

Максим почувствовал, как его спина распрямляется, а под лопатками пробиваются крылья. Да после таких слов...

— Ну, в общем, так, — довольно-таки властно руководила процессом пересечения двух одиноких сердец Руфина, — фотоателье на Малышева знаешь?

— Конечно.

— У меня в центре кое-какие дела, — продолжала она, — но в час я уже буду свободна. Давай у входа встретимся. Ты как?

— Отлично! В час у входа в фотоателье.

Положив трубку, Максим посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. Если пойти пешком, как раз за час дойду, заодно на город полюбуюсь, весело подумал он и, насвистывая “За дюралевым бортом шум мотора...”, привычно облачился в свою парадную форму. Вдоволь налюбовавшись на себя в зеркало, — ух да чего же я здоров и красив! — лихо пристроив на затылок голубой берет, Максим выскочил на улицу.

Максим вышел на проспект и, пройдя автовокзал, направился в сторону цирка. Запас времени был, и бравый десантник шел не торопясь, поглядывая на встречающих прохожих, особенно женского пола. Да, как хорошо! Просто идти по улице, не бежать, а шагать, ритмично цокая подбитыми каблуками, и подмигивать встречным девушкам.

Проходя мимо больших витрин, Максим с удовольствием поглядывал на свое великолепное отражение. Большие стекла отражали его ладную фигуру, подчеркнутую собственноручно ушитым (строго по талии) кителем. Свободно свисавшие к поясу кисти аксельбанта эффектно покачивались

в такт уверенных шагов. Изогнутые не по уставу голубые погоны отсвечивали золотыми сержантскими лычками. Умопомрачительный по своей белизне ремень свободно обтягивал талию, а надраенной до зеркального отражения бляхой можно было пускать солнечных зайчиков.

Свою “парадку” Максим тщательно подгонял собственными руками в течение нескольких месяцев перед дембелем. Кропотливая это работенка, надо сказать. Зато теперь как приятно было ловить на себе восхищенные женские и завистливые мужские взгляды. Дышалось легко и свободно, словно весь мир жил для этого парня, отдавшего любимой родине свой священный долг. Теперь вся эта жизнь моя, думал Максим. Я свободен и счастлив, и я буду делать только то, что хочу. Никто теперь не посмеет мне указывать и мной командовать, потому что свою свободу я заслужил и выстрадал на чужбине. Ох, как я ее выстрадал... Сегодня Максим старался не думать о том, что где-то за рекой продолжается война и там гибнут девятнадцатилетние парни.

На перекрестке Максим увидел военный патруль. Молодой лейтенант с красной повязкой на рукаве и двое курсантов стояли у светофора, с интересом поглядывая в сторону идущего открытой походкой бравого десантника. Поравнявшись с ними, Максим свысока посмотрел на одетых в стандартно-зеленое обмундирование военных и, небрежно отдав честь, прошел мимо. Смотри, мол, летёха и завидуй настоящим гвардейцам.

Проходя мимо бывшего опорного пункта милиции, располагавшегося в торце пятиэтажного общежития, Максим остановился у висевшего на дверях объявления:

“Работает видеозал.

Сегодня: в 19-00 “Остров дракона” (боевик, карате).

21-00 “Банан в шоколаде” (эротика).

Цена билета: 1 руб.”.

Озадаченно задумался. Банан в шоколаде — это, конечно, интересно и, наверное, даже вкусно, но при чем здесь эротика? Непонятно, совсем непонятно... Максим двинулся дальше, про себя твердо решив, что этот фильм он посмотрит обязательно даже за рубль.

Рядом с общежитием был небольшой базарчик. Интересно, чем же здесь торгуют, раньше такого не было. Подойдя к первому заваленному тряпками столу, он обомлел. Стол был завален спортивными костюмами “adidas” любых размеров по довольно-таки сходной цене. Два года назад заветные три полоски стоили две маминых зарплаты, да и достать их даже за эти сумасшедшие деньги было нереально. Такой костюм был у одного человека в классе, где учился Максим. Отец Олега Воскресенского работал судьей и по долгу своей службы вершил правосудие

над бедными спекулянтами, промышлявшими на шувакишском рынке. Поэтому у Олега был и заветный костюм, и джинсы “Lee”, и еще много чего.

Пройдя вдоль лотков, Максим, приятно удивляясь, нашел здесь и джинсы, и батники с накладными карманами, и кроссовки “PUMA”, в общем, все то, что было дорогим дефицитом, когда он уходил. Значит, не все так плохо в перестройке?

В свои первые послеармейские дни Максим и представить не мог, что сделанные на основании ленинских идей о кооперации “фирменные” “аидасы” расставались с заветными полосками после первой же стирки, а склеенные (на основании тех же идей) из кожаменителя кроссовки теряли свою пластмассовую подошву после первого же дождя.

Он бросил взгляд на часы. Без четверти час. Шире шаг, скомандовал себе Максим и решительно направился к фотоателье. На месте он был вовремя. Подойдя к старому зданию из красного, потемневшего от времени кирпича, Максим огляделся. Руфины еще не было. От нечего делать он закурил и принялся считать проезжающие мимо автомобили. Чаще попадались “копейки” и “шестерки”, но иногда проскакивали недавно появившиеся модные “восьмерки” цвета “мокрый асфальт”. Ух, мне бы такую! Да где же денег-то взять на нее? Разве что пирожными кооперативными поторговать.

Максим по-детски замечтался... Красивое уютное кафе с беленькими, аккуратными столиками, он, важный и солидный директор этого приличного заведения, принимает на работу симпатичных до умопомрачения официанток, горящих желанием работать здесь. Претенденток много (кафе очень известное в городе) и все как на подбор, а нужно только двоих, и Максим вызывает на помощь своего первого заместителя — Павла Вьюхина. А кого же еще? Кому еще можно доверить такое важное дело? Значит так, Павел Сергеевич, оставляю девушек на тебя, а мне пора на встречу с председателем исполкома... Максим выходит из кафе и садится в стоящую у входа “восьмерочку”, естественно, “мокроасфальтового” оттенка. В салоне очень удобно и комфортно. Да! Естественно, включаю стереомагнитолу и, мягко трогаясь с места, слушаю обожаемого Романова:

Кто виноват, что ты устал,

Что не нашел чего так ждал,

Все потерял, что так искал,

Поднялся в небо и упал...

Мягкое прикосновение нежной руки плавно стянуло с Максима одеяло грез и мгновенно вернуло его на землю. Слово запущенный кем-то волчок, он быстро (на пятке через левое плечо)

развернулся и неожиданно для себя перехватил прикоснувшуюся к нему теплую, белую и очень нежную ладонь Руфины! Она, волшебным образом улыбаясь, не спешила ее вынимать из цепких рук настоящего десантника.

Боже, как она хороша! Розовая обтягивающая кофточка подчеркивала ее тонкую талию и красивую грудь, а коричневая вельветовая юбка, плавно обтягивая бедра, очень кстати заканчивалась выше колен, обнажая ровные крепкие ноги на высоченных шпильках. Лежавшие на плечах густые каштановые волосы пьянили ароматом абрикоса и свежести.

— Максимка, привет! Давно ждешь?

“Максимка?!”

— Да только подошел, — переводя дух, ответил юноша, выбрасывая дымящийся окурочок.

— Как так? Время десять минут второго, а ты только подошел, — картинно нахмурила красивые брови Руфина. — А если бы я вовремя пришла, ты думаешь, я бы тебя стала ждать?

— Думаю, что нет, — смутился Максим, — только я ровно в час был здесь. Просто не заметил, как время прошло. — И добавил фразу, способную размягчить любое женское сердце: — А ты очень хорошо выглядишь, Руфина, я просто обалдел, как тебя увидел. До сих пор стою обалдевший, — неотразимо улыбнулся он.

— Ладно, ладно. Не подлизывайся. Лучше расскажи, как первый вечер дома провел. Как мама? Наверное, обрадовалась сильно?

Максиму было очень легко с ней, несмотря на то, что Руфина была старше его и являлась представительницей очень престижной и романтической профессии. Он и не заметил, как расслабился и с удовольствием описал ей свой первый послевоенный вечер. Руфина слушала с интересом, весело смеясь над возрожденным “Сerpантином” и понимающе кивая в тот момент, когда Максим рассказывал о чувствах матери. Им было хорошо, и они даже забыли о том, что хотели сфотографироваться. Взявшись за руки, они гуляли по набережной, а со стороны казалось, что эта красивая пара знает друг друга целую вечность.

Время пролетело незаметно, солнце как раз собиралось удрать на покой, когда Максим и Руфина подошли к дому, в котором жила девушка. Они стояли у ее подъезда и смотрели друг другу в глаза. Расставаться им не хотелось, а что делать дальше, Максим пока не знал. Можно, конечно, пригласить девушку в видеозал, но что-то не хотелось. То, чего Максиму хотелось, он не рассказал бы даже под пытками самой страшной инквизиции.

Возникла пауза, которую неожиданно заполнил бессловесный диалог глазами: “Я, конечно, дико извиняюсь, но нельзя ли к вам подняться на чашечку кофе?” — “Вот так вот сразу и на кофе? А что ты обо мне тогда подумаешь?” — “Только самое хорошее!” — “Вы все так говорите, а потом думаете про нас невесть что...” — “Ну, зачем Максима Веденева, со всеми равнять! Ты же меня совсем не знаешь”. — “А чем ты от других отличаешься? Аксельбантом?” — “И не только им... А в общем, как хочешь. Если нет, так прямо и скажи”.

Но Руфина не спешила с отрицательным ответом. Запал ей в душу этот необычный парень. То, что он действительно отличен от всех мужиков, которых она встречала раньше, это наверняка. Своим женским сердцем она чувствовала в нем необыкновенно чистую, прозрачную душу и настоящую мужскую твердость. Она знала многих людей, одетых в брюки и имеющих на лице растительность. Но лишь единицы из них были настоящими мужчинами, которые своими поступками доказывали свое право на женщин. Многие мальчики на всю жизнь остаются мальчиками, независимо от их социального положения, а бывает, что и девочками становятся — этот факт она знала. Но она также знала и то, что есть мальчики, которые уже с рождения — мужчины, и всю жизнь несут впереди себя мужское знамя, за себя и за всех остальных отдуваясь.

Максим Веденев был настоящим, иначе Руфина не дала бы ему свой телефон и не пришла на встречу. Вариантов знакомств (с ее-то работой и внешностью!) она имела массу, но все это было не то. Хотя были очень солидные и материально обеспеченные вздыхатели. Бывший муж, например, был единственным сыном директора центрального ресторана, со всеми вытекающими финансовыми приложениями. Свадебное путешествие они провели в солнечной Болгарии. Подружки все просто обзавидовались Руфиной партии. Казалось, живи и радуйся. Но как можно жить с амебой? С обеспеченной материально и даже симпатичной, но все-таки амебой.

Руфине нужно было совсем не это, ей нужен был сильный, настоящий мужчина. Пусть юный, не богатый и не опытный (это даже лучше, то, что мне надо, сама слеплю), но настоящий, с которым хоть на край вселенной. Потому-то и не спешила девушка с отрицательным ответом. То, что сегодня Максим останется у нее, она поняла еще вчера, стоя на трапе и глядя вслед стройному десантнику. Но паузу надо было выдержать.

— Может, еще пройдемся? — взяв кисточку аксельбанта в свою ладонь, тихо предложила она, но, увидев, как Максим без энтузиазма кисло пожал плечами, мол: “Можно и пройтись”, тихонько добавила: — Если не хочешь гулять, можно зайти ко мне...

“Не можно, а нужно, Руфиночка, уже два года, как нужно!” — еле сдержал Максим вылетающие из горла звуки радости. Теперь и он знал наверняка, что домой вернется поздно, или рано...

Когда мужчина понимает, что стоящая рядом женщина уже принадлежит только ему, он чувствует себя по меньшей мере Александром Македонским после трудного победоносного похода. Он расслабляется, и ему непременно нужно, что-нибудь выпить.

— Лучше бы, конечно, к тебе, — опустил искрящиеся глаза Максим. — Честно говоря, я бы сейчас шампанского выпил. Есть возражения?

— Было бы очень здорово, но где ж его сейчас возьмешь?

— А что, винно-водочные магазины уже отменили? — не поняв юмора, поинтересовался Максим.

— А ты когда в них последний раз бывал?

— Ровно двадцать четыре месяца назад, — пожал плечами озадаченный десантник. — А что все-таки с ними случилось?

— Солдатик ты мой, от мира оторванный, — ласково потрепала Максима за ухо Руфина. — Да там очереди сейчас километровые, не пробьешься. Вам в Афганистане про антиалкогольную кампанию не рассказывали разве?

— Что-то такое проповедовал замполит, но сама понимаешь, на войне такие вещи плохо воспринимаются. Неужели за водкой могут быть очереди? — недоумевал озадаченный парень.

— Очереди, — передразнила его Руфина, — очередищи там у гастрономов, а не очереди, давки ужасные, люди по головам друг у друга ходят, матерятся все как сапожники, — и, посмотрев ему в глаза, с сожалением добавила: — Эх, Максимка, как много нового тебе еще предстоит увидеть...

Вот тебе и перестройка! Бывший солдат нахмурился, отмечая очередной минус случившихся в его отсутствие реформ. Про себя же решил твердо: в лепешку расшибусь, но шампанское достану. Такой предстоит многообещающий вечер — и без шампанского? Или я не гвардии сержант ВДВ?

Он поправил белый ремень и, расправив широкие плечи, внутренне подобрался. Казалось, что Максим Веденеев стал выше ростом и тверже взглядом. В его зрачках Руфина заметила нехороших чертиков. “Да, такой всю очередь разнесет, а свое возьмет.”

— Максимка, да ну его, это шампанское. У меня кофе хороший есть, пойдем. — Девушка с надеждой потянула Максима к подъезду, но тут же поняла — бесполезно. Он был уже другим.

— Не хочу я кофе, вот в чем вся загвоздка, Руфина, — твердо сказал десантник, — а вот бутылочка холодного “Советского” за нашу с тобой встречу — это в самый раз будет. — Он мягко освободил свою ладонь из рук девушки. — Где у вас тут ближайший магазин?

— Гастроном через дорогу, но ей-богу, Максим, только время зря потратишь. Пойдем. А? — не теряла надежды отговорить его Руфина.

— Не волнуйся, я скоро, — сказал Максим и очень решительно направился в указанную сторону.

Руфина тревожно посмотрела ему вслед. Что-то необъяснимо-неприятное беспокоило ее чуткое женское сердце. Но то, что остановить его она не сможет, знала точно.

— Максим! — позвала Руфина, и он обернулся. — Моя квартира номер шесть, на втором этаже. Я тебя жду, постарайся побыстрей.

В ответ Максим издали помахал своим беретом и скрылся за углом дома.

Гастроном представлял из себя пристроенное к жилому пятиэтажному зданию сооружение с большими стеклянными витражами. Вход в винно-водочный отдел был отдельный, с левой стороны гастронома.

Еще издали, на дальних подступах к магазину, Максим оценил сложность поставленной самому себе задачи. Жаждавшие заветного алкоголя люди шумной живой змеей извивались вокруг пятиэтажки. Хвост этой длиннющей “змеи” растворялся где-то на горизонте видимости. От увиденной необычной картины Максим присвистнул и остановился. В памяти всплыли кадры военной кинохроники блокадного Ленинграда, где люди стояли в очереди за хлебом. Но там все было понятно — война, голод. Но как такое могло повториться в современном, здоровом обществе, строящем коммунизм?

Конец агрессивной очереди Максим искать не стал. Времени у него не было, потому что его ждала женщина. Просунув берет под ремень, он направился прямо к входу. У самых дверей обстановка была накалена до предела. Здесь простоявший несколько часов на улице народ был просто взрывоопасен. Людские напряженные лица были решительны и злы одновременно. В небольшое помещение винно-водочного отдела людей пропускали группами по десять человек.

Контролировали ситуацию пятеро крепких парней с красными повязками ДНД на рукавах. Понаблюдав несколько минут за возбужденным до предела обществом, Максим направился к краснощекому здоровенному дружиннику лет сорока. По тому, как уверенно он руководил процессом алкоголизации населения, было видно, он здесь самый главный “перец”.

— Здорово, земляк, — улыбаясь, обратился к “перцу” Максим и достал пачку “Данхила”. — Это чего здесь за собрание? Прямо новгородское вече.

“Перец” смерил Максима надменным взглядом снизу вверх и, рассмотрев у подошедшего к нему десантника медаль “За отвагу”, уважительно кивнул головой.

— Здорово, коль не шутишь. Из Афгана? Дембель? — Максим, раскуривая сигарету, утвердительно кивнул головой. — Понятно. Когда вернулся?

— Да вчера прилетел только. Решил вот с друзьями выпить, закусить на радостях, а тут такое ... — Максим кивнул головой в сторону напряженного социума. — Угощайся. — С этими словами он протянул дружиннику “Данхил”.

Тот с удовольствием вытянул из открытой пачки тонкую коричневую сигарету и, понюхав, засунул ее за ухо, потому, что в этот момент очередь ожила и зашумела. Там нахального вида мужичок пытался втиснуться в стоящую у входа десятку счастливицков. Но плотно стоявшие у заветной двери люди не пускали его. Он пытался втиснуться в живой поток в нескольких местах, но очередь повсюду отвергала его, лягаясь и жутко бранясь. Мужичок был настойчив и раз от разу повторял свои безуспешные попытки. И без того непростая ситуация накалилась до предела. “Еще немного, и бедолагу начнут бить”, — подумал спокойно наблюдающий за шумной сценой Максим. Но тут вмешался “перец”.

— Куда лезешь? Баклан. Чего народ мутишь, — с этими словами он подскочил к мужичку и, схватив его за шиворот, как котенка, оттащил от дверей. Толпа одобрительно зашумела.

— Да у меня день рождение сегодня, — чуть не плакал он, — гости уже приглашены, а угостить их нечем. Люди добрые, войдите в положение, — со слезами на глазах взывал он к братьям по разуму. Братья напряженно молчали. Лишь один “добродушно” посоветовал:

— А ты их чаем угости, дешево и сердито.

На дельный совет народ ответил дружным хохотом, а мужичок махнул в их сторону рукой и понуро побрел прочь.

— Вишь, чё творится? И так с двух до шести, — вытаскивая из-за уха сигарету, пробасил “перец”.

— Почему с двух-то? — не понял Максим

— А щас в рабочие дни только с двух алкоголем торгуют, — сделав ударение на “а” пояснил “перец”. Раскурив импортную сигарету, он одобрительно покачал стриженной головой.

— Ништяковский табачок.

— Слышь, земляк, — обратился к “перцу” Максим, — как бы мне без очереди отовариться?

— Без очереди! — передразнил Максима “перец”, выпуская из легких табачный дым, — Да они меня сожрут потом с потрохами. Вишь, публика какая “добрая” собралась.

— А что ж делать-то? Посоветуй, — спросил озадаченный Максим.

“Перец” почесал затылок, докурил сигарету и молча кивнул: “Давай за мной”. Подойдя к дверям, он кивнул дежурившим там дружинникам и подтолкнул Максима прямо к входу в вожделенные закрома. Стоящий у самых дверей красноносый мужик, дыхнув в сторону Максима стойким перегаром, перегородил ему дорогу.

— А ты куда лезешь, воин, очередь с другого конца начинается, вообще-то.

— Да ладно тебе, остынь. Парень с Афгана вчера пришел, расслабиться надо, — вступился за Максима “перец”.

— Ну и че? Нам всем тут расслабиться надо, но в порядке очереди, — не сдавался красноносый. — Я с двух часов тут хреном груши околачиваю. Еще неизвестно, какой он афганец. Че это он в форме за водкой пришел? Надеть, что ли, нечего?

— Да ты чего мелешь, мужик? — Максим начинал нервничать, его левое веко тихонько подрагивало. — Такими вещами не шутят. Я четыре дня назад еще в Кабуле был...

Стоявший за красноносым молодой высокий парень вмешался в непростую ситуацию:

— Пусть пройдет. Видишь, у него медаль боевая, видно, что пацан заслуженный.

— Вот пусть он перед тобой и залезет, — вставил красноносый.

— Здравствуйте, — возмущился стоящий за высоким парнем пузатый большой дядька средних лет, — что значит “перед тобой встает”. Перед ним, — ткнул он в спину впереди стоящему, — значит, и передо мной. А мне это на хер не надо.

Стоящие у дверей люди грозно зашумели не в пользу Максима. Но в этот момент открытая невидимой рукой дверь выплнула на улицу счастливых обладателей “зеленого змия”, и внутри послышался визгливый женский голос:

— Леха! Запускай следующих.

Леха (он же “перец”), подмигнув Максиму, оттеснил своей широкой спиной красноносого и буквально втолкнул бывшего десантника внутрь помещения.

Максим даже не успел поблагодарить “перца”, потому как очередная страждущая “десятка”, ругая и браня дээндэшников за то, что они без очереди пропускают своих “корешей”, ввалилась в небольшое вино-водочное помещение. Здесь надо было действовать шустро. Максим в пять шагов пересек помещение и первым оказался возле обшарпанного прилавка, за которым стояла размалеванная продавщица с видом депутата Верховного Совета. За ней, словно телохранитель, облаченный в синий халат с закатанными по локоть рукавами, стоял подстриженный под ноль грузчик с грязной шеей, давно небритым лицом и внушительной татуировкой (полуобнаженная русалка) на предплечье. Продавщица, навалившись ладонями на прилавок, подозрительно оглядывала подошедшего к ней солдата. Максим бегло взглянул на небогатую витринную полку (шампанское есть, хорошо. Еще, наверное, возьму водки бутылочку, а то когда еще такую очередину одолею) и, доставая деньги, обратился к продавщице:

— Мне, красавица, бутылочку шампани и водки одну, пожалуйста...

Дальше произошло такое, что если бы сейчас на улице поднялась стрельба, то это вряд ли произвело на него более сильное впечатление. Глядя своими бесцветными глазами сквозь протягивающего ей деньги Максима, размалеванная таким же бесцветным голосом спросила:

— Тебе сколько лет?

— Двадцать! — широко улыбаясь, добродушно ответил Максим. — Вчера из армии вернулся.

— Тогда отходи в сторону, тебе спиртное отпускать не положено, — показывая всем своим видом, что разговор закончен, она обратилась к подталкивавшему Максима в спину “красноносому” мужику: — Следующий! Говорите.

— Подождите, я что-то не понял, почему не положено? — жестко уперев локоть в пузо “красноносому”, опешил Максим.

— Потому что мал еще, — хриплым голосом ответила размалеванная.

— Что значит — мал? Мне уже двадцать лет, я в Афганистане служил, вот мой военный билет, посмотрите, — ошарашенный непонятной ситуацией, Максим машинально сунул правую руку во внутренний карман кителя.

— Не надо мне своими документами тыкать, спиртное отпускается с двадцати одного года. Не задерживай очередь, отходи давай, — уже грозно, словно голодная дворовая собака, твякнула на Максима продавщица и покосилась в сторону татуированного помощника.

— Как с двадцати одного? Я до армии в восемнадцать лет покупал, значит, можно было, два года отслужил, и теперь нельзя стало? Вы, наверное, шутите?

— Слышь, паря, не компостируй нам мозги, вишь — люди волнуются. Давай отчаливай, подрастешь, тогда и отоварим, — оскалившись золотым зубом, вмешался в разговор стоящий за спиной у продавщицы лысый грузчик.

— Ты, дядя, словами-то не бросайся, — зло посмотрел Максим на хамоватого парня, по виду недавно “откинувшегося” из мест не столь отдаленных. Начиная заводиться, он вновь обратился к продавщице:

— Вы, уважаемая, все-таки объясните мне, в чем дело.

Стоящая за прилавком женщина раздраженно сунула Максиму отпечатанный на пишущей машинке листок.

— На, читай постановление и отходи, а претензии Горбачеву будешь предъявлять.

Сзади на Максима напирали все сильнее. Кто-то из толпы (похоже, пузатый) заорал на весь магазин:

— Ну совсем оборзел! Мало того, что без очереди влез, он еще всех задерживает. Ну-ка, парниша, отваливай от прилавка, а то мы сейчас тебе поможем.

Стоящие в очереди люди одобрительно и в то же время грозно зашумели. Но потрясенный происходящим Максим никого не видел, ничего не слышал и стоял на месте как вкопанный. Перед его глазами застыли официальные слова странного документа: “Запретить продажу спиртных напитков лицам, не достигшим 21 года...”

— Да как же так!!! — отчаянным криком вырвалась из него не понимающая новой жизни душа. — Умирать на войне в двадцать лет можно, а бутылку шампанского купить нельзя?!

Пелена затянула его глаза, а кровь ударила в контуженную голову. Он резко развернулся к напирающим на его спину людям и в отчаянии закричал:

— Кто мне объяснит, что здесь происходит? — От его крика стоящий за ним народ расступился, окружив его полукольцом. — Я тебя спрашиваю! — Максим, брызгая слюной, сильно ткнул указательным пальцем в грудь “красноносому” мужику. Тот испуганно отшатнулся. — Что вы сделали с моей страной? Кто это все придумал? Отвечай. Ну?

Мужик дрожащей рукой достал носовой платок и вытер выступивший на лбу пот. Кто-то из стоящих у дверей покупателей крикнул продавщице:

— Да продайте вы ему бутылку, в конце концов. Видите, он ненормальный...

— Ага, продайте, — фыркнула размалеванная, — а завтра меня с работы выкинут. Нет уж! Разбирайтесь с ним сами.

Кольцо страждущих сжималось вокруг Максима. Он согнул руки в локтях и, сжав кулаки, ледяным, наводящим ужас голосом произнес:

— Пока я не куплю, никто не купит. Слышите, никто! — И все стоящие в магазине люди загудели еще больше. До закрытия оставалось полчаса, и было совершенно очевидно, что размалеванная закроет избушку на клюшку и всех выведут на улицу с пустыми руками. Народ стал проявлять агрессию.

— Да что мы на него смотрим, отодвинуть его, и все, — кричали из толпы.

И тут кто-то негромко сказал:

— Пропустите, пожалуйста, я ему сейчас все объясню, — люди расступились, и на авансцену вышел одетый в серый плащ и такую же серую шляпу интеллигентного вида пенсионер. —

Послушайте меня, молодой человек, — сказал он, поправляя очки, — я заслуженный юрист РСФСР, бывший адвокат. И хочу вам со всей ответственностью заявить, что вы зря возмущаетесь, любезный. Вся дело в том, что два года назад Совет Министров принял четыреста десятое постановление, вам его эта дама (кивнул он на размалеванную) уже показывала. Вы в это время уже были на срочной службе и поэтому не знали о том, что возрастной ценз, необходимый для покупки спиртосодержащих продуктов, этим постановлением был поднят. И поэтому полностью дееспособными, на основании действующего законодательства СССР, признаются только лица, достигшие 21 года. А вы, молодой человек, на сегодняшний день, выражаясь юридическим языком, являетесь не полностью дееспособным, по возрасту, разумеется, гражданином. И поэтому вам правильно отказали в приобретении спиртных напитков...

— Ты что такое болтаешь, очкарик? — с налитыми кровью, недобро сверкающими глазами Максим сделал угрожающий шаг в направлении адвоката. Тот вытянул руки по швам, поднял подбородок и побледнел. — Это кто недееспособный. Я? — он ткнул указательным пальцем левой руки себе в грудь, а правой снял с заслуженного юриста шляпу. Левый глаз у Максима закрылся напрочь уставшим, контуженным веком и больше уже не открывался.

Отбросив “юридическую” шляпу в сторону, Максим взял адвоката за ворот плаща, развернул на сто восемьдесят градусов и, дав бедолаге приличного пинка под зад, угрожающе произнес:

— Ну, кто еще меня дурачком считает?

В этот момент Максим почувствовал, как со спины чья то крепкая рука обхватила его за горло, повалила спиной на прилавок и стала душить. Задыхаясь, Максим успел разглядеть единственным открытым глазом на душившей его волосатой руке синюю русалку. Грузчик! Ну, сука, держись!

Лежа на спине, он отвел руки назад и, схватив грузчика за уши, резко дернул его ойкнувшую голову к себе. Затем, не меняя положения, сложился пополам и, не отпуская визжащего от боли противника, несколько раз махнул коленом в пустоту. Когда летающее над прилавком колено десантника наконец-то встретилось с лысой головой грузчика, душившая его “русалка” сразу обмякла. Максим перевернулся на живот и вскочил на ноги. Надо было срочно оценить обстановку. Почувствовав радостное возбуждение, он понял: война продолжается, а на войне, как на войне! Время замедлилось, а жить ему стало проще. По крайней мере, было все понятно. За прилавком он видел лопухого врага (хватящего пустой ящик), а за спиной была сочувствующая противнику публика. Один против всех! Ладно, посмотрим, кто кого...

Видя, как лысый медленно заносит над головой пустой деревянный ящик, Максим решительно откинул прилавок в сторону и, шагнув за него, резко ударил грузчика прямой ногой в грудь. Тот, падая на стену, успел все-таки метнуть в десантника пустую тару. Максим закрыл голову руками и почувствовал, как ломающийся об его руки ящик рвет рукава кителя и в кровь раздирает предплечья торчащими из него гвоздями. Максим отнял окровавленные руки от лица и нанес еще один оглушительный удар кулаком в челюсть. Грузчик, клацнув зубами, опустился вдоль стены на корточки и затих.

Максим бросил взгляд на стоящую в углу с открытым ртом испуганную продавщицу и развернулся к летящим к нему дружинникам. Первого, сделав шаг в сторону, он вырубил своим коронным правым “сайстепом”. Парень упал Максиму под ноги и, застонав, стал отползать в сторону. Вторым был изрядным крепышом, и два удара в голову его даже не шелохнули. Он схватил Максима за лацканы его парадного кителя и, подтянув к себе, ударил головой в нос. Максим отлетел к стене и почувствовал, как из разбитого носа потекла горячая юшка. Крепыш подскочил к нему и нанес прямой удар кулаком в голову. В последний момент Максим успел чудом отвести голову, и просвистевший над ухом кулак с хрустом вонзился в бетонную стену. Крепыш дико заорал и принялся махать разбитой кистью. Максим схватил его за затылок и со всего маха ткнул лбом об ту же стену. Глухой удар — и крепыш, стоя на четвереньках рядом с приходящим в себя грузчиком, медленно соображал: что это было?

Максим, тяжело дыша, повернул голову в сторону торгового зала и, глядя одним глазом, осмотрелся. Жаждающего выпить народа в зале уже не было. Куда все подевались? Зато у дверей, осуждающе кивая головой, стоял “перец”, и рядом с ним четверо милиционеров. Их серая униформа подействовала на десантника успокаивающе. Максим сплюнул на пол и, ухмыльнувшись окровавленным ртом, поднял руки вверх.

— Всё, мужики, больше не буду. Сдаюсь.

***

Дежурный по отделению майор милиции Толбухин, сидя за пультом, с интересом поглядывал на сидящего у окна дежурной части молодого парня в изрядно потрепанной десантной форме. Некогда отутюженный парадный китель был измят и разорван на рукавах, оторванный от голубых погонов шикарный аксельбант болтался на груди десантника нелепой веревкой, а залитая кровью тельняшка довершала этот удручающий вид. Шмыгая разбитым носом, парень неподвижно сидел на скамейке и, не моргая, глядел одним глазом в пустоту.

“Да, солдатик, крепко ты влип!”

Толбухин открыл Уголовный кодекс РСФСР. Статья 206, часть вторая: “Злостное хулиганство, то есть умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, связанные с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка (ДНД), — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет...”

Майор захлопнул кодекс и взял в руки протокол. Читая написанные официальным языком фразы, офицер живо представил разыгравшуюся в магазине динамичную сцену. “Ладно, грузчика треснул, это полбеды, но вот дружинников — это он зря”, — почесал лысеющую макушку майор. “И адвоката под зад пинать тоже не следовало, от него заявление на семи страницах поступило,

целый роман написал старикашка. Да-а. Если этот протокол попадет в суд, парня уже ничто не спасет. Да мне-то, в принципе, какая разница? Пусть отвечает...”

Но почему-то не хотелось майору, чтобы этот молодой ветеран попал в тюрьму, что-то в самой глубине его зачерствевшей милицейской души не давало ему покоя. “Исковеркают ведь ему там всю оставшуюся жизнь”, — невесело думал Толбухин, медленно затягиваясь сигаретой. И вариантов помощи “афганцу” он не видел никаких, слишком уж много пострадавших и свидетелей.

Он затушил сигарету, отложил протокол и вновь посмотрел на десантника. Тот все так же, сидя на скамье, обозревал ему одному видимые пустоты: “Не полностью дееспособный, — пульсировали в голове у Максима три слова. — Вот сука, заслуженный юрист еще, как он мог мне такое сказать? А может быть, этот очкарик прав, разве нормальный человек устроит такой погром? Может быть, я и в самом деле немного того... Ведь, по сути, и продавщицу понять можно, не она ведь это гребаное постановление придумала. Да, я всех могу понять, а вот меня кто поймет? Засадят в тюрьму и, наверное, будут правы, туда мне и дорога. Но кто мне все-таки объяснит, почему ветеран войны, имеющий ранение и награды, не имеет законного права купить себе бутылку шампанского? Почему те, кто пишут для нас законы, не думают о людях, которые будут по этим законам жить? Но что же все-таки со мной произошло? Почему, я так озверел? Никогда такого со мной не было”, — терзал себя риторическими вопросами десантник.

То, что Максим своим руками перечеркнул себе жизнь, его не сильно расстраивало, ему было наплевать, что с ним будет дальше, но вот мама... Боже, она не переживет. Один день только с ней и побыл. Говорила же Руфина, чтобы я не ходил... Руфина! Как же я о ней-то забыл! Что она обо мне подумает? Ушел в магазин, и с концами. Такую девушку потерял. Черт бы побрал эту перестройку с ее законами!” Из груди десантника вырвался стон.

Майор Толбухин, закончив изучение необходимых для возбуждения уголовного дела документов, невесело вздохнул:

— Ну что мне с тобой делать, сержант? — обратился он к Максиму, раскуривая сигарету. Тот моргнул одним глазом и зашевелился, возвращаясь в реальность.

— Поступайте по закону, товарищ майор.

— “По закону”, — повышая голос передразнил молодого парня Толбухин. — Да ты хоть знаешь, что с тобой этот закон сделает? Он в порошок тебя сотрет и по ветру развеет. По закону, — еще раз повторил майор. Он встал и возбужденно зашагал по комнате. — Ты хоть понимаешь, молокосос, что натворил? Это тебе не Афганистан. Здесь нельзя просто так народ лупить, направо и налево. Здесь за это в тюрьму отправляют. А после зоны уже не будет Максима Веденева, бравого десантника. Там люди шибко меняются, и не в лучшую, сам понимаешь, сторону.

— Сколько мне светит? — устало спросил у майора Максим.

— До хрена и больше! — остановившись в центре комнаты, крикнул в Максима милиционер. — По двести шестой уже до пяти. А если после экспертизы выяснится, что у кого-то из “отоваренных” тобой терпил сотрясение серьезное, то прибавь к хулиганке тяжкие телесные — это еще три. Прицепом к вышеперечисленному — сопротивление представителям власти. А это — сам понимаешь... — досадливо махнув рукой в сторону Максима, Толбухин плюхнулся в стоящее у пульта кресло. — Вот и прикинь теперь сам, сколько тебе светит. А шансов остаться на свободе у тебя практически нет. — Майор затушил сигарету в хрустальной пепельнице и снял затрепавшую телефонную трубку. — Городское отделение милиции, майор Толбухин...

После этих слов Максим закрыл лицо руками. Неожиданное осознание случившейся с ним беды разорвало течение его мыслей, а затуманенный словами майора разум выдавал лишь их обрывки: “Мама! Прости меня... летом на море с Танюшкой собирались... в институт хотел... позор какой для семьи... к отцу на могилу не попал... Руфина... мама не переживет... неполная дееспособность... так хорошо день начи... что же теперь будет... вернуться бы обратно в Афганистан... как там ребята... боже, неужели тюрьма... надо домой позвонить... шампанского захотелось... напьюсь теперь вдоволь... ничего, и на зоне люди живут... может, пронесет... надо что-то делать... чего делать-то... не я ведь первый начал... ну, грузчик, сука...”

Из сумбура одолевших раздумий Максима вырвал неожиданно учтивый голос майора Толбухина. Он, стоя навтыяжку, разговаривал с невидимым, но явно очень важным собеседником.

— ...да, товарищ полковник, он у нас... да, Веденеев... протокол, прямо скажем, неважнецкий... это сложно... как фамилия адвоката? Сейчас посмотрю... Караулов Осип Вениаминович, заслуженный юр... ну, вот если он заберет заявление... с продавщицей проще... на нее у меня есть материал по спекуляции... с дружинниками тоже решим... хорошо, вас понял. Доброй ночи, товарищ полковник.

Майор положил телефонную трубку и вытер платком вспотевший лоб. Он подошел к задержанному и, заложив руки за спину, встал напротив, покачиваясь с пятки на носок.

— Да вы у нас, оказывается, непростая птица, гражданин Веденеев, — он нагнулся к Максиму и шепотом спросил: — Откуда ты начальника ГУВД знаешь?

— Я? Начальника чего? — опешил десантник.

— Полковник Зубов кто тебе будет?

— Первый раз слышу эту фамилию, — недоумевая, пожал плечами Максим.

— Интересно-интересно, — зашагав по комнате, озадаченно пробормотал Толбухин, — ну да ладно. Слушай меня сюда. Совсем закрыть дело не получится. Но поставлена задача — смягчить твою “героическую” участь. Адвоката Караулова полковник берет на себя, он с ним знаком лично. С продавщицей тоже порешаем. Остаются контуженный тобой дружинник, там все зависит от экспертизы, и грузчик Семенов, дважды судимый, однако.

Майор достал лист бумаги и ручку.

— Садись за стол и пиши объяснение. Вся правда писать не надо. Про адвоката и про народных дружинников — забудь.

— Но ведь...

— Я сказал, забудь, мальчик. Или ты меня плохо слышишь? Вообще, кому это все надо? — подняв брови, раздраженно бросил Толбухин. Затем продолжил: — Напишешь, что разговаривал с людьми, стоя к прилавку спиной, а Семенов напал на тебя сзади и принялся избивать. Завтра утром пойдешь в травмпункт и снимешь свои побои. Мы со следователем их к делу подошьем...

— Значит, вы меня сегодня отпустите? — ошалев от внезапной радости, выкрикнул Максим.

— Ты чего орешь? — вытаращил на него глаза майор. — Отпустим, только подписочку с тебя возьмем о невыезде. Все ясно? Теперь пиши и не торопись. Помни, правильно написанное объяснение — залог твоей свободы. Все ясно? — Максим утвердительно кивнул в ответ. — Тогда вперед и с песней.

Из отделения Максим вышел в первом часу ночи. Пока он трижды переписывал свое “сочинение”, по улице прошел веселый майский дождик, и на темном тротуаре островками блестели зеркальные лужи. Чистый свежий воздух приятно кружил молодую, опьяненную свободой голову. Хорошо-то как на улице! Максим, зажмурившись, слушал тишину родного города и отходил от пережитого кошмара. Открыв оба глаза (левое веко неожиданно ожило от приятных ощущений), он увидел на противоположной стороне тротуара стройный силуэт одиноко стоявшей девушки.

Сердце радостно ускорило свой ритм. Руфина! Максим бросился через дорогу, оставляя за собой брызги раздавленных солдатскими сапогами луж. Он схватил ее в свои крепкие руки и принялся кружить, забыв обо всем на свете.

— Максимка, драчун ты мой, откуда у тебя силы? — Руфина, улыбаясь, откинула голову, и ее густые волосы ровными прядями кружились вместе с ней.

— Знаешь, сколько у меня сил? Ты еще не знаешь, сколько у меня сил, — кричал Максим на всю улицу, опьяненный свободой и вновь обретенной девушкой. Поставив Руфину на ноги, он зарылся в ее абрикосовые волосы и закрыл глаза. Скупая слеза счастья скатилась по переносице к губам.

Радость сильнее горя! Сильнее! Сильнее! А справедливость в мире есть, вселенская высшая справедливость, которой ничего не стоит изменить любые написанные людьми законы!

Но при одном условии — ты должен быть достоин ее милости

Обнявшись, они молча и неторопливо шли по освеженному дождем ночному городу, и попадавшие навстречу редкие прохожие с удивлением поглядывали на счастливого солдата в разодранной форме и шедшую рядом с ним еще более счастливую девушку. А они не замечали никого, они просто шли.

Опубликовано в журнале: «Урал» 2009, №5